

Лю Даочжэн сидел на почетном месте в главном зале, не шевелясь. Он даже перестал перекачивать в пальцах два железных шара, которые обычно не выпускал из рук. Его взгляд был устремлен в небо за порогом — то ли он о чем-то глубоко задумался, то ли в голове у него была полная пустота.

Лю Даочжэну исполнилось сорок. Он был прославленным героем с непревзойденным мастерством владения мечом. В отличие от Наньгун Юэ, у него не было восьми жен, трех сыновей и еще двоих, что пока покоились в чреве.

У Лю Даочжэна была лишь одна жена. Точнее говоря, когда-то их было две. Первая — Лун Цзин, дочь прославленного в мире боевых искусств однорукого мечника Лун Шэнхуа. Разумеется, восемнадцать лет назад Лун Цзин скончалась при тяжелых родах.

Вторая — Чжао Личжи.

Если спросить, кто считался первой красавицей в мире цзянху двадцать лет назад, любой старый мастер ответит вам: Чжао Личжи.

Этого было достаточно. Больше, чем все восемь жен Наньгун Юэ вместе взятые! В вопросах жен количество — не показатель успеха.

У Лю Даочжэна была только одна дочь. О, нет, две!

Первая — Лю Цинхун, знаменитая в цзянху воительница. Вторая — Лю Цинъянь. Хотя в мире боевых искусств о ней никто и не слыхивал, этот человек действительно существовал.

Существовал или нет — сказать трудно. Может, ее уже и нет в живых? Весь поместье Лю терзался этим вопросом, но никто не смел произнести его вслух. Даже А-Лань, проплакавшая три дня и три ночи.

После того как старшая госпожа исчезла, Лю Даочжэн часто смотрел в небо с невыразимой тоской.

Хотя старшая дочь с момента своего рождения стала причиной смерти матери. Хотя Лун Шэнхуа, узнав о кончине дочери, одним ударом ладони разбил огромную гранитную глыбу во дворе поместья Лю, и даже не взглянул на внучку, погубившую ее. Хотя старшая госпожа с детства была слаба здоровьем и не могла заниматься боевыми искусствами, хотя...

Какими бы ни были эти хотя, она все равно оставалась дочерью Лю Даочжэна и внучкой Лун Шэнхуа. Как бы Лун Шэнхуа ни не желал ее видеть, он все равно молча присылал ей лучшие лекарственные травы. А Лю Даочжэн, даже зная, что она не сможет стать бойцом, любил и лелеял ее, поселив во внутреннем дворе поместья, окружив заботой, лучшей едой и дорогими одеждами.

Но старшая госпожа исчезла. Исчезла прямо из поместья Лю. Больше двух месяцев назад. Растворилась в воздухе.

Когда семь старцев Юэинь лечили старшую госпожу, в ворота постучалась демоница Цан Биюэ. Лю Даочжэн, исполненный праведности и благородства, вышел в передний двор встречать гостью.

Увы, демоница есть демоница, законы цзянху ей не писаны. Она наговорила кучу колкостей, долго не переходила к делу, а когда они наконец скрестили мечи, все ее выпады оказались лишь обманными движениями.

Она пришла лишь для того, чтобы поиграть с Лю Даочжэном.

На прощание она бросила:

— Все же я считаю, что моя мать куда красивее, чем Чжао Личжи...

И ушла.

Чжао Личжи была статна и прекрасна, ее манеры — изысканны, а случайный кокетливый взгляд мог лишить мужчину рассудка. А Сяо Жао, жена главы Секты Демонов, была наследницей школы мастеров талисманов, владевшей искусством создания ядов и печатей. Такие люди неизбежно испытывают яды на себе, поэтому ее лицо покрывали шрамы от токсинов, придавая ей пугающий, зловещий и по-своему демонический вид.

Цан Биюэ ушла так же внезапно, как и появилась, словно только для того, чтобы позлить Лю Даочжэна.

А старшая госпожа Лю исчезла. Семь старцев Юэинь были найдены мертвыми.

Ло Бинь смотрел на Лю Даочжэна, вспоминая, как часто в последнее время тот смотрел в небо с невыразимой печалью и одиночеством. Ло Бинь думал, что сердце его учителя разрывается из-за судьбы пропавшей дочери. В конце концов, отцовская любовь крепка!

Когда А-Фу принес утренний чай, в зал вбежал мальчик-слуга:

— Господин, Наньгун Юэ из Тяньшаня просит аудиенции.

После ночного ливня двор был вымыт до блеска. Листья деревьев сияли изумрудной свежестью, а капли воды, застывшие на их кончиках, казались прозрачными кристаллами.

На волосах Наньгун Юэ тоже висели капли воды. Но он не был листом. После ночи под дождем он выглядел не свежим и зеленым, а жалким и растрепанным.

Поэтому, когда управляющий А-Фу увидел, как промокший Наньгун Юэ входит в главный зал, оставляя на зеркально чистом полу грязные следы от своих матерчатых туфель, которые при каждом шаге издавали чавкающий звук, он невольно нахмурился и сжал кулаки, мечтая придушить гостя на месте...

Однако Наньгун Юэ, не имея ни капли стыда, плюхнулся на стул из сандалового дерева — чистый, блестящий, стоимостью в двести лянов, изготовленный в мастерской Сучжоу — прямо в мокрой одежде. Кулаки А-Фу сжались еще сильнее.

Наньгун Юэ даже не взглянул на А-Фу. Он с грохотом поставил на столик тяжелый мешочек, из которого, когда развязалась завязка, блеснуло чистое золото. Кулаки А-Фу разжались.

Наньгун Юэ достал из-за пазухи половину овечьей шкуры и протянул Лю Даочжэну:

— Господин Лю, когда двести лет назад случился мятеж Секты Демонов, император прежней династии спрятал сокровища, необходимые для восстановления страны, недалеко от горы Мофэн. Я, Наньгун Юэ, знаю свое место и не смею связываться с сектантами. Но я подумал: вы, господин Лю, праведный герой с непревзойденным мастерством, а добро и зло не могут сосуществовать. Рано или поздно вы сами уничтожите Секту Демонов.

На шкуре была половина карты сокровищ. Наньгун Юэ добавил:

— Вторую половину я уже продал клану Гуань.

Лю Даочжэн даже не взглянул на карту. Он взял поданный А-Фу суп с мясом, съел ложку, а затем оттолкнул пергамент обратно:

— Прошу, уходи.

Наньгун Юэ усмехнулся, встал, но внезапно выхватил из-за пояса кинжал...

Глаза Лю Даочжэна сузились, холодный блеск в них на мгновение угас. Он продолжал спокойно есть суп, но его старший ученик Ло Бинь уже вытянул меч из ножен.

Однако кинжал был направлен не на Лю Даочжэна, не на Ло Биня и не на А-Фу, а к собственному горлу Наньгуна Юэ:

— Двести пятьдесят лянов.

— А-Фу, ступай, принеси господину Наньгуну двести пятьдесят золотых, — произнес Лю Даочжэн, отставляя чашу.

Двести пятьдесят лянов. Дважды. Итого пятьсот.

Когда Наньгун Юэ вышел из поместья Лю, он подумал, что Гун Се — не человек, а бог.

В мешочке, который дал ему Гун Се, было сказано: сначала иди к клану Гуань, а потом к клану Лю, иначе Наньгун Юэ неминуемо погибнет!

Так оно и вышло. Наньгун Юэ последовал инструкции: он не пошел к Лю сразу.

Он оставил половину карты себе, а вторую продал клану Гуань. Клан Гуань отправил людей на Тяньшань, чтобы проверить, действительно ли у Наньгуна есть половина карты. Когда все подтвердилось, они выкупили ее.

Клан Гуань не знал, что вторая половина не была продана Лю, а оставалась у Наньгун Юэ. Между кланами Гуань и Наньгун не было дружбы, и Гуань не стали бы расспрашивать Лю!

А в это время в главном зале поместья Лю.

Карта, которую Наньгун Юэ продал Лю, все еще лежала на столике рядом с Лю Даочжэном. Аккуратно свернутая, тщательно запечатанная. Но Лю Даочжэн даже не взглянул на нее, не говоря уже о том, чтобы развернуть.

Ло Бинь смотрел на учителя: глубокая складка между бровей выражала тревогу, мелкие морщинки у глаз хранили следы прожитых лет, а глубокие носогубные складки выдавали мудрость, отточенную временем.

— Учитель, вы ведь прекрасно знаете... — Ло Бинь не сдержался.

— Что? — Лю Даочжэн отвел взгляд и сделал глоток чая.

— Двести пятьдесят лянов золота! — голос Ло Биня дрогнул.

Лю Даочжэн ответил небрежно:

— Клан Гуань уже купил одну половину. Если эта карта подделка, то мы даем пощечину клану Гуань. Что самое важное для людей цзянху? Лицо! Двести пятьдесят лянов золота — настоящие. А значит, даже если карта фальшивая, раз она прошла через руки кланов Гуань и Лю, кто посмеет заявить об этом? Поэтому, что бы ни было на этой карте, она становится настоящей. Если бы Наньгун Юэ не вышел живым из моего поместья, клан Гуань обвинил бы нас в убийстве ради сокрытия следов и корыстных целях. Иногда правда или ложь не имеют значения. К тому же, с чего ты взял, что она фальшивая?

— Но ведь... — Ло Бинь замолчал на полуслове. Он не мог открыто заявить клану Гуань, что карта подделка. Как он мог это знать? Неужели он объявит всему миру, что оригинальная карта сокровищ выглядела иначе? А где она, та оригинальная карта? С чего бы поместьем Лю

знать, как она выглядит?

Доказательств не было. Даже если это правда, нельзя было ничего сказать. Даже если все понимали, что продажа двух половин фальшивой карты за два раза по двести пятьдесят лянов — это насмешка над двумя великими кланами, как над кучкой дураков.

Иногда случается, что ты бессилен! Даже если ты — клан Лю.

— Но эти двести пятьдесят лянов золота... — купить за них фальшивую карту, значит, и правда стать дураком?

— Карта настоящая. Что значат эти двести пятьдесят лянов? Есть вещи куда важнее, — Лю Даочжэн сохранял невозмутимость.

Ло Бинь поклонился и вышел. Старые мастера цзянху — они на то и старые мастера: если ты смог разгадать их замысел, значит, они уже не те, за кого себя выдают.

Наньгун Юэ поспешно покидал поместье Лю. Пятьсот лянов золота тяжким грузом давили на него — и в сумке, и на сердце...

Фальшивая карта, о, фальшивая карта!

В другое время он не осмелился бы лгать этим двум кланам, даже если бы на кону стояли тысячи или десятки тысяч лянов. Кто во всем мире посмеет так шутить с Гуань и Лю? Это стоило жизни.

Наньгун Юэ не хотел умирать. Но, даже рискуя жизнью, он должен был следовать указаниям из мешочка, потому что Цан Биюэ была страшнее наводнения и диких зверей, ужаснее самого дьявола...

Наньгун Юэ поклялся, что не хочет видеть Цан Биюэ до конца своих дней.

Но едва отойдя от поместья Лю, он увидел именно того, кого видеть не хотел.

Цан Биюэ была в полумаске — такой же, как у Гун Фэйчжэна, с узором из вьющихся растений, прекрасной и зловещей. Она прислонилась к старому дереву у дороги, вертя в руках завернутый в промасленную бумагу свиток, и улыбалась.

— Молодая госпожа Биюэ, — Наньгун Юэ поклонился, его голос дрожал. Он не смел спросить, как карта, проданная Гуань Сяосяо, оказалась у нее в руках. Он лишь подумал: неужели эта демоница решила убрать его, как только он перестал быть нужен? Неужели она не даст ему легкой смерти?

Цан Биюэ неспешно достала из-за пазухи огниво, щелкнула им и с загадочной улыбкой сожгла свиток дотла.

Двести пятьдесят лянов золота!

У Наньгун Юэ перехватило дыхание, сердце сжалось от боли. Раз эта карта после продажи за двести пятьдесят лянов все еще была фальшивкой? Он сам уже перестал понимать.

— На самом деле, ты же знаешь: таких вещей можно наделать сколько угодно. Не делай такое лицо, будто сгорели двести пятьдесят лянов золота. Конечно, и Наньгун Юэ можно наделать сколько угодно. В любой момент можно превратить в горстку пепла, — Цан Биюэ сдула пепел с рук, даже не взглянув на него.

У Наньгун Юэ подкосились ноги, у него не осталось сил даже на то, чтобы развернуться и убежать...

— Я очень хотела лишиться тебя жизни, чтобы не оставлять хвостов, но она слишком добра, чтобы позволить мне это сделать. Даже эти пятьсот лянов золота — считай, плата за твои хлопоты, — Цан Биюэ выпрямилась, и ее взгляд наконец упал на Наньгун Юэ.

Он рухнул на колени:

— Теперь, когда я оскорбил кланы Гуань и Лю, где мне найти приют в этом огромном мире? Молодая госпожа Биюэ, примите меня! Пятьсот лянов золота мне не нужны, я отдам их вам, лишь бы моя семья была в безопасности. Дайте нам приют на горе Мофэн. Наньгун Юэ будет благодарен до конца жизни!

Цан Биюэ поджала губы, улыбнулась и с интересом спросила:

— А ты довольно умен! Скажи, почему?

Наньгун Юэ пополз на коленях:

— Госпожа, вы проникательны. Если эта карта настоящая, то эти два клана непременно убьют меня, чтобы скрыть следы — никто не хочет делиться сокровищами. Если они узнают, что карта фальшивая, мой клан Наньгун ждет истребление. В сегодняшнем цзянху только Священная Секта может противостоять кланам Гуань и Лю. Поэтому спасти нас может только Секта, только вы, молодая госпожа Биюэ!

Услышав слова Священной Секты, Цан Биюэ рассмеялась:

— А ты мастер льстить. Хорошо, пусть твоя семья переезжает на гору Мофэн, а ты... будешь слушать мои приказы!